

РУССКО-ПОЛЬСКИЕ ОТНОШЕНИЯ (ПАНСЛАВИСТСКИЙ КОНТЕКСТ)

Статья «Русско-польские отношения (панславистский контекст)» раскрывает происхождение, направленность развития и сущность польской и русской панславистских идеологий. Общие типологические черты польского и русского панславизма, а также их особенности показаны на фоне межгосударственных отношений в Европе и русско-польских отношений.

Ключевые слова: панславизм; польский вопрос; поляки; Польша.

Оформление русско-польской конфронтации относится ко времени разделов Речи Посполитой. Польская политическая эмиграция развернула активную антирусскую пропаганду на Западе. Идеи, связанные с восстановлением ранее существовавших границ Польши, дополнялись новым путем поиска польской идентичности. На волне развития панславизма в славянском пространстве Европы польские идеологи разработали оригинальный проект культурного и политического объединения западных, южных и восточных славян.

С одной стороны, данный проект совпадал с другими панславистскими идеями, предполагая государственную (политическую) и религиозно-культурную консолидацию славян. С другой стороны, он представлял собой польский взгляд на место Польши в европейском сообществе государств. Традиционная для панславизма этнокультурная и политическая составляющие имели имперский подтекст. Польские панслависты предполагали образовать общеславянское государство под эгидой Польши, но без участия России.

Появление данного проекта, ограничившего географические пределы грядущей славянской империи, было связано с состоянием русско-польских отношений, внешнеполитическим курсом России на дальнейшее ослабление своего западного соседа и стремлением Польши сохранить свою государственность. Особое недовольство общественно-политических кругов Польши (шляхта, интеллигенция, католическое духовенство) вызывала политика России, направленная, в соответствии с программой графа С.С. Уварова, на «обрусение» (панрусизм) всех нерусских народов империи, в том числе и поляков. С этой целью в крупных городах, в частности Холмщины, российским правительством учреждались библиотеки и «склады русских книг», которые либо продавались за весьма символическую плату, либо раздавались даром. Данные меры рассматривались российскими властями как превентивные по отношению к распространению «польской заразы» на остальные и пока «послушные» провинции империи.

Оценивая состояние русско-польских отношений на перспективу, С.С. Уваров пропагандировал «русскую идею», а польские проекты рассматривал как «сепаратизм». Целью российской политики становилось внушение «верноподданнических чувств» жителям этнически неоднородных западных губерний, польской окраины России. Таким образом, внешнеполитический курс России по отношению к Польше по

многим позициям органично совмещался с российским вариантом панславистских преобразований.

Польский панславистский проект противостоял аналогичным проектам, разработанным в России российскими панславистами. Полякам представлялась более привлекательной перспектива союза с монархией Габсбургов, предоставившей Галиции статус автономии и некоторые привилегии в области языка и культуры (право учреждения административно-политических учреждений, сословно-представительного Сейма, учебных заведений).

Польских политиков и польских панславистов не смущала ситуация, когда полонизация русских в Галиции стала состоявшимся фактом. Исходно православные русские принимали католицизм, попадали под культурное и политическое влияние Польши.

Со своей стороны, правящие круги России и российские панслависты полонизацию оценивали негативно: «Польские ксендзы стали поспешно строить в русских деревнях католические костелы, и вопреки конкордата с римской курией, совершать для русских религиозные требы. За сим последовали: закрытие венской русской духовной семинарии во Львове, Перемышле и Станиславове; наконец, изгнаны из школы и правительственных учреждений русские письма и русский язык, с заменой первых польско-русским, или же прямо латинским алфавитом, а второго – исковерканным русско-польским жаргоном» [1].

Столкновение двух внешнеполитических курсов – России и Польши – встретило поддержку со стороны панславистов в обеих странах. Последнее отчетливо видно на материалах польского восстания 1863–1864 гг. Военное подавление польского освободительного движения Россией имело следствием негативную реакцию не только ведущих западноевропейских государств, но и всего славянского мира. Это подрывало и позиции российских вариантов панславизма.

Во время польского восстания 1863–1864 гг. появился фундаментальный труд С.М. Соловьева «История падения Польши». Автор известен не только своей профессионально-исторической деятельностью, как историк-государственик, но и как активный участник всеславянских съездов, которые последовали за польскими событиями. Сторонник славянского цивилизационного и государственно-политического единства, С.М. Соловьев в своей новой книге обосновал вариант решения польской проблемы в том виде, каким его видели в правящих и общественно-политических кругах России.

Суть концепции историка-государственника состояла в том, что Польша, являясь форпостом католицизма в Восточной Европе, представляет угрозу православию и ставит перед собой цель распространить «латинство». Действия поляков, направленные против Русской православной церкви на территории самой Польши и в Австро-Венгрии, многовековая конфронтация Варшавы и Петербурга, польские притязания на украинские и белорусские земли, по мнению С.М. Соловьева и его сторонников, поддерживались западными «великими державами» в целях ослабления «русского колосса» и раздробления славянского мира, противодействовали его консолидации. Запад намеренно переложил всю ответственность за разделение Польши на Россию, памятуя, что в действительности их инициатором являлась Пруссия, считал С.М. Соловьев, Россия же, включив часть польских территорий в состав империи, оказала полякам бесценную услугу, спасши их, таким образом, от германизации. Ответственность за разжигание ненависти к «старшему славянскому брату» российский историк возлагал, прежде всего, на польскую шляхту и духовенство.

Эта точка зрения была подробно и детально проработана классиками русского панславизма. «Польша, – писал Н.Я. Данилевский, – одна из всех славянских стран приняла без борьбы западные религиозные начала и усвоила их себе, – а потому и была в течение большей части своей истории не только бесполезным, но и вредным членом славянской семьи, изменившим общим славянским началам, стремившимся распространить насилием и соблазном враждебный славянскому миру католический и шляхетско-аристократический принцип в самую глубь России» [2. С. 304]. Поэтому идеологи русского панславизма считали, что прежде чем вступить в борьбу с германоманской цивилизацией за «место под солнцем», необходимо устранить одно из самых серьезных внутренних препятствий славянскому единству – польский вопрос.

Если поляки образуют независимое государство, утверждал Н.Я. Данилевский, то оно непременно станет «центром революционных интриг... преимущественно направленных на западные губернии России». Последняя, бесспорно, этого не потерпит и предпримет все возможные меры к уничтожению «вредного для нее гнезда», что приведет, в свою очередь, к постоянным войнам и разорению польских земель. В этих условиях полякам ничего не останется, как обратиться за помощью к Германии [Там же. С. 378].

Однозначность данной ситуации для политиков и геополитиков не являлась таковой для русских панславистов, которые не совпадали во мнениях относительно решения «польского вопроса» и путей строительства общеславянского единства. Классик русского панславизма Н.Я. Данилевский предпочел воздержаться от конкретных «рецептов» урегулирования русско-польских противоречий. «Обезнародить насильственными мерами» поляков и «поработить» их «промышленным преобладанием», полагал он, Россия не сможет. Значит, остается только одно –

предоставить полякам полную свободу выбора в определении своих позиций по отношению к «старшему брату» [2. С. 380]. Н.Я. Данилевский вполне осознавал общую сложность проблемы и противоречие между умозрительными панславистскими идеями и реалиями российской внешней политики.

Российский историк М.П. Погодин полагал, что польский вопрос может быть разрешен только посредством включения поляков в состав Славянского союза. Целесообразность этого заключалась, по мнению ученого, с одной стороны, в том, что поляки «связали нас крепчайшими узами с нашими родными братьями, населяющими девять западных губерний», а с другой – в необходимости ликвидации опасного для России очага, «готового всякую минуту служить авангардом для любых ее врагов» [3. Л. 5].

Профессор филологии А.Ф. Гильфердинг видел возможность «упразднения» польского вопроса в лишении возможности польского влияния над «Русскою и Литовскою народностью в нашем западном крае, и... устойчивой силе крестьянских общин в Царстве Польском», которая «перерабатывает своим влиянием старые идеи польского обывательства» [4. С. 358].

Иной точки зрения, более соответствующей российской правительственной, придерживались панслависты-военные. Польша, утверждал генерал Р.А. Фадеев, чужеродное тело в составе Российской империи. Проводимая там российским правительством политика создает угрозу постоянной «смуты» на западных границах, провоцирует вмешательство Запада во внутренние дела России и подрывает доверие к ней со стороны славян и славянских стран. Вмешательство Германии в славянские дела вступает в явное противоречие с военно-стратегическими задачами Российской империи, и, стало быть, польский вопрос требует радикальных решений: «Восстановить Польшу немецкими руками – значит... пустить в полный ход “Дранг нах Остен”, сдерживаемый русской межей» [5. С. 400].

Таким образом, для Польши и поляков создавалась ложная альтернатива: остаться «младшим братом» Российской империи или стать немецкой провинцией. Ждать от Польши и поляков добровольного присоединения к «русскому царству» в силу исторических причин было бы слишком наивно, поэтому в качестве одного из наиболее оптимальных решений «польской проблемы» стал курс на «мирное» обрусение российских западных губерний.

В то же время к перспективе обрусения Привислянского края, по примеру западных губерний, генерал относился скептически. Он реалистично ограничивался только установлением «русской вывески». Р. А. Фадеев предлагал продолжать политику панрусизма в западных губерниях, одновременно сохранив культурно-политическую самостоятельность Польши. Только таким путем, утверждал генерал, Польшу можно будет заставить примкнуть к славянскому движению, превратить поляков в его «передовую рать» и направить на Запад, против Пруссии и Австрии.

Окончательно славянский вопрос, по мнению Р.А. Фадеева, может разрешиться только в ходе воен-

ной экспансии, «освобождением» Прикарпатской Руси и Изаила. В неизбежной войне за освобождение славян Россия должна полагаться только на собственные силы, ей теперь, больше чем когда-либо, нужна армия, соответствующая числом и качеством «величии задачи», стоящей перед ней. Новизна данной интерпретации состояла в установлении связи между панславизмом и нарастающей милитаризацией в Европе. Это была по сути панславистская интерпретация макиавеллиевского тезиса «цель оправдывает средства». Будущее процветание славянства в рамках целостной цивилизационной общности допускало насилие при ее создании.

Таким образом, во второй половине XIX в. в славянском мире обозначилась парадоксальная перспектива возможного разрешения русско-польских противоречий: отрешение русских или поляков от славянства и как следствие реализация каждым из них собственной панславянской концепции.

Политика русификации польских земель к началу XX в. окончательно себя дискредитировала. Поэтому российские панслависты, сторонники «славянской идеи», выдвинули требование о предоставлении полякам территориально-административной автономии. Это позволило бы, по их мнению, заручиться поддержкой Польши в укреплении тесных культурных, экономических и политических связей России с зарубежным славянством. Российские мыслители подвергли критике и тезис относительно притязаний Германии на польские земли. «Германии, – писал П. Струве, – не нужно ни пяди земли, населенной польским народом. Для Германии было бы безумием ввести в свой немецкий государственный состав новые миллионы поляков... Такое поглощение изменит соотношение культурных сил, даст католикам решающую силу в Германии» [6. С. 150–151].

Колониальная активность кайзеровской Германии на Ближнем Востоке и в Африке, насильственное онемечивание славян, доктрина Пангерманского союза, члены которого неоднократно заявляли о расовом превосходстве немцев над «славянскими варварами», подводили к мысли о неизбежности войны между «германством» и «славянством». И чем более остро вставали польско-германские проблемы двусторонних отношений, тем более прочными становились позиции панславистов. Польские панслависты дрейфовали от радикализма в отношении России и восточных славян к более умеренной позиции. Идея польской автономии в составе Российской империи становилась тем компромиссом, который был способен удовлетворить абсолютное большинство панславистов. Разумеется, ни российские, ни польские радикалы-панслависты не могли принять такого решения.

Сближение Австро-Венгрии и Германии, стремление последней к мировому господству, обострение внутривосточного и экономического кризиса в России ставили решение польского вопроса в прямую зависимость от развития германо-русских отношений. Лидер польского панславизма (неославизма) Р. Дмовский выражал опасения относительно того, что в силу географического положения Германия непременно предпримет попытку захвата Царства Польского, следствием чего станет развязывание русско-германского конфликта. Победа в этой войне будет принадлежать, несомненно, Антанте, а значит, и России. Именно поэтому, утверждал Р. Дмовский, необходимо активизировать внешнюю политику «старшего брата» в балканском направлении путем организации широкомасштабного славянского движения против Германии. Участие в нем поляков, по замыслу Р. Дмовского, должно позитивно изменить отношение к ним России, и таким образом русско-польские противоречия будут упразднены. Большие надежды поляки возлагали и на Всеславянские конгрессы в Праге (1908 г.) и Софии (1910 г.). Однако конструктивного диалога между польскими и российскими панславистами на этих съездах не получилось. Российская делегация намеренно демонстрировала равнодушие к попыткам поляков начать обсуждение проблемы урегулирования русско-польских взаимоотношений.

Аннексия Боснии и Герцеговины привела к резкому спаду интереса к панславистским лозунгам, выявив приоритеты национальных интересов славянских народов над проектами общеславянского единства. В общественно-политических кругах западных и южных славян сохранялось стремление к реализации австрославистских проектов. Поэтому большинство славянских депутатов венского парламента поддерживали внешнеполитический курс А.Л. фон Эренталя и высказались за присоединение Боснии и Герцеговины к Габсбургской империи. Это обстоятельство сделало совершенно невозможным русско-австрийское сближение и еще раз подтвердило утопичность панславистских проектов польского происхождения.

Таким образом, если «патриархи» панславизма XIX в. либо избегали однозначных и категоричных суждений по польскому вопросу, либо провозглашали в качестве его единственно возможного решения панрусизм, то в начале XX в. возобладал прагматический, приближенный к международно-политической реальности подход. Большинство панславистов стало считать наиболее целесообразным предоставление «братьям»-полякам автономии. Более того, допускалась польская автономия и во всеславянской державе, строительство которой должно было осуществлять всё славянство.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Московские ведомости*. 1894. № 84. 26 марта.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М., 2003.
3. РГАЛИ. Ф. № 373. Погодин М.П. Оп. 1. Ед. хр. 46.
4. Гильфердинг А.Ф. Собрание сочинений : в 2 т. СПб., 1868. Т. 2.
5. Фадеев Р.А. Кавказская война. М., 2003.
6. Струве П. Великая Россия // Русская мысль. 1908. № 1.

Статья представлена научной редакцией «История» 06 января 2015 г.

RUSSIAN-POLISH RELATIONS (THE PAN-SLAVIST CONTEXT)

Tomsk State University Journal, 2015, 392, 103–106. DOI 10.17223/15617793/392/18

Griroryeva Anna A. Irkutsk State Pedagogical University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: fox-admin81@mail.ru

Keywords: Pan-Slavism; Polish question; Poles; Poland.

The article emphasizes the problems of scientific and socio-political relevance. The scientific novelty of the article is to identify the correlation between the relations of Russia and Poland, on the one hand, and the evolution of the ideology of Pan-Slavism, on the other. Appearance of Russian-Polish confrontation dates back to the partition of Poland and, in connection with it, to the launch of active anti-Russian propaganda in the West by the Polish emigration. The ideas associated with the restoration of the pre-existing borders of Poland were supplemented by ideologically renewed search of the Polish identity. Polish Pan-Slavists developed an original project of the cultural and political unification of the Slavs in a common Slavonic state under the auspices of Poland, but without the participation of Russia. During the Polish uprising of 1863-1864, a fundamental work, *History of Poland's Downfall*, by S.M. Solovyov appeared. As a researcher of the state history he believed that the West deliberately shifted the entire responsibility for the partition of Poland to Russia. He evaluated the inclusion of the Polish lands in Russia as a salvation of the Western Slavic civilization from Germanization. This point of view, not without geopolitical overtones, was worked out in detail by the classics of Russian Pan-Slavism. N.Ya. Danilevsky offered to give the Poles a complete freedom of choice in determining their position in relation to the "elder brother" and their place in the coming Slavic community. Historian M.P. Pogodin was also confident that the inclusion of the Poles in the Slavic Union exactly means the "solution" of the Polish issue. Professor of Philology A.F. Hilferding saw the possibility of the Polish question "abolishing" by the weakening of the Polish influence in the western provinces of the Russian Empire. Military Pan-Slavists had a different point of view, more responding to the Russian government opinion. Gen. R. A. Fadeev proclaimed the massive policy of Russification as the only way to solve the Polish issue. Thus, in the second half of the 19th century the Slavic faced a paradoxical prospect of a possible resolution of the Russian-Polish conflict: Russian or Polish removal from Slavism, and, as a consequence, their own implementation of their own Pan-Slavic conception. As soon as the projects of the Russification of Poland and the Poles became frankly utopian, in the beginning of the 20th century the idea itself was completely discredited. Therefore, Russian Pan-Slavists demanded administrative-territorial autonomy for the Poles. The annexation of Bosnia and Herzegovina was accompanied by a decline of interest in Pan-Slavist slogans, identifying the priorities of national interests of the Slavic peoples over the projects of a Common Slavic unity.

REFERENCES

1. *Moskovskie vedomosti*, 1894, no. 84. 26 March.
2. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turnye i politicheskie otnosheniya Slavyanskogo mira k Germano-Romanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political attitude of the Slavic world to the Germanic-Romance one]. Moscow: EKSMO Publ., 2003. 423 p.
3. Russian State Archive of Literature and Art (RGALI). Fund no. 373. Pogodin M.P. List 1. Archival Unit 46.
4. Hilferding A.F. *Sobranie sochineniy: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. St. Petersburg, 1868. Vol. 2.
5. Fadeev R.A. *Kavkazskaya voyna* [The Caucasian War]. Moscow: EKSMO: Algoritm Publ., 2003. 635 p.
6. Struve P. Velikaya Rossiya [The Great Russia]. *Russkaya mysl'*, 1908, no. 1.

Received: 06 January 2015